

Пробежав на полной скорости, я достал часы, когда добрался до второго лагеря, нарисованного на карте.

Двенадцать часов и три минуты.

Заклинание уже должно было быть снято, а это означало, что труп демона, а также письмо, которое я оставил, должны были быть найдены.

На карте можно было увидеть, что я пробежал почти двухдневное расстояние, посмотрев на расположение второго лагеря на десятидневной тропе. Учитывая, что я бежал уже четыре часа, это означало, что я двигался со скоростью семьдесят-восемьдесят километров в час.

Эта чудовищная скорость заставила меня задуматься, не родился ли я монстром, а не человеком. Это было расстояние, на преодоление которого Министерству иностранных дел потребовалось бы два дня. Конечно, чиновники министерства шли бы неторопливо, неся на себе груз десятков демонов. Для человека с нормальным телом в прошлой жизни было весьма обнадёживающим, что я смог преодолеть такое большое расстояние за одно утро.

Карта показывала, что расстояние до города, где обычно торговало Министерство иностранных дел, составляло около тысячи километров по прямой. Это было расстояние, на преодоление которого людям, возвращающимся домой на полной скорости, потребовалось всего два дня. Но в середине линии был большой каньон, и именно внушительный крюк для объезда вокруг него значительно увеличил фактическое расстояние.

До сих пор я следовал по маршруту Министерства иностранных дел, глядя на карту, которую я взял из их офиса, чтобы оставить как можно меньше следов. Поскольку теперь пришло время для начала моего преследования, я должен был проложить свой собственный путь в лес, а не следовать по этому маршруту, проложенному министерством.

Таким образом, это была гонка со временем.

* * *

Гестия спокойно обдумывала сложившуюся ситуацию.

"Денбург сбежал из дома. Отец в ярости из-за того, что его самое любимое дитя предало его".

По правде говоря, Гестия не была сильно шокирована. Это было не потому, что она не любила своего брата. Кто не любил свою семью? Она хорошо знала заранее, что ожидания Думстоуна в отношении Денбурга и собственные будущие устремления последнего находились в конфликте. Как таковое, это было скорее разочарованием, чем шоком.

Всякий раз, когда у Думстоуна были трудные времена, Гестия помогала ему, играя роль

деревенского советника. Он полностью доверял дочери и прислушивался к её советам. Вот почему деревня могла раскачиваться взад и вперёд, основываясь на её словах.

Нынешняя ситуация оказала на Гестию огромное давление. Ей было всего восемнадцать, но простое её слово могло повлиять на тех, кто был вдвое или втрое старше девушки. Тот факт, что одно её слово могло ранить людей, даже до такой степени, что они могли пожертвовать собой, приводил Гестию в ужас.

Согласно книге, хранящейся в сельской библиотеке, лидер должен был быть благодарен своим подчинённым, потеющим за правое дело.

Тогда как она должна относиться к тем, кто проливал кровь за это дело? Должна ли она быть благодарна? Испытывать страх? Или, может быть, неметь от всего этого?

Гестия не знала и, скорее всего, никогда не узнает. Она надеялась, что ей никогда не придётся это познать. Она очень сочувствовала Денбургу, сбежавшему из дома, но в то же время была полна разочарования.

Хотя Гестия уважала своего отца, она также чувствовала, что он был слишком невежественным. Думстоун занимался своими делами, даже не задумываясь о последствиях своих решений. Но её младший брат был другим, он не просто был умным, но также и мудрым.

Денбург мог думать о возможностях, которые даже не приходили ей в голову, и говорить о вещах, которые она не осмелилась бы сказать. Если бы он стал главой деревни, она могла бы избежать ответственности за консультирование деревни и постоянного страха, что одна её ошибка может привести к разрушению их дома.

"Заранее приношу свои извинения, мой младший брат. Я не могу смириться с тем, что ты сбежал из дома. Это ради деревни, а также ради меня самой. Прости эту недобрую сестру", – подумала про себя Гестия.

– С этого момента я буду руководить этой операцией, – Гестия заявила об этом перед армией в полторы тысячи человек.

Гавейн, возглавлявший отряд преследования, кивнул, и Галлахад призвал Гестию говорить быстрее.

– Денбург, скорее всего, сначала путешествовал по маршруту, указанному на карте.

С растерянным лицом Галлахад спросил Гестию:

– Почему? Путешествие по маршруту будет быстрее, если он будет его придерживаться, но это станет проблемой, как только мы узнаем о его побеге и начнём его преследовать. Денбург

определённо ожидает, что его будут преследовать. Разве не более вероятно, что он с самого начала сошёл с проторенного пути?

- Как ты и сказал, я уверена, что Денбург ожидает погони. Однако следование маршруту, нарисованному на карте, имеет подавляющее преимущество по сравнению с прокладыванием тропы в лесу с самого начала. Во-первых, таким образом можно сократить время, которое потребуется, чтобы выбраться из леса. Во-вторых, вы можете двигаться, не оставляя за собой следов.

- Как?

Гестия указала на след на земле и спросила:

- Вы можете сказать мне, кто оставил эти следы и когда они были сделаны?

Галлахад и Гавейн оба покачали головами.

- По пути, проложенному в лесу, то же самое. Если следовать по маршруту, то невозможно определить, были ли шаги оставлены Денбургом или чиновниками из Министерства иностранных дел. В-третьих, можно временно сократить количество преследователей, которые будут преследовать Денбурга.

- Что ты имеешь в виду?

- Хотя я ожидаю, что Денбург путешествовал по этому маршруту, также возможно, что он с самого начала шёл своим собственным путём. Пока такая возможность существует, у нас нет другого выбора, кроме как отозвать некоторых участников погони, чтобы выяснить, где именно он отклонился от маршрута.

Галлахад сделал такое выражение лица, которое ясно показывало, что он не понимает, но Гавейн, казалось, сумел уловить суть. Благодаря его опыту поиска следов демонов во время охоты, объяснение, казалось, было немного проще для Гавейна.

<http://tl.rulate.ru/book/52807/1855798>